

**Елена
ТЕРШУКОВА**
г. Санкт-Петербург

ПУДОЖАНЕ, ИХ БЛОВЕЧКИ И ПЛАТЬЕ ЗА РУБЛЬ

Пудожане – это, в большинстве своем, особенные люди. Открытые, добродушные, приветливые. Мы с родителями часто путешествовали по стране, и я нигде больше не встречала таких. Понятно, что раньше все были более открытыми и общительными и двери ни у кого почти не запирались, разве что на ночь, и в гости ходили друг к другу без приглашений, но пудожанам была присуща какая-то особая чистота, простодушие, даже детскость иногда. Может, потому, что стоял наш городок вдали от проезжих дорог и не было никаких приезжих-проезжих? А может, потому, что в маленьком городе вся жизнь на виду, каждый друг друга знает, и стоит совершить что-либо неблаговидное, как это тут же станет известным всем твоим соседям, друзьям, родственникам?

Но как бы то ни было, а можно было обратиться за любой помощью к любому человеку, даже и вовсе не знакомому, никто не откажет. Сами не смогут помочь – попросят кого-нибудь еще. Даже продавцы в магазинах были приветливыми и улыбчивыми! Одна-единственная продавщица, которая могла наругать или обсчитать, работала в пивном ларьке, и все это знали, и даже не осуждали ее почти. Во-первых, потому, что была она матерью-одиночкой и растила детей одна, а во-вторых, потому, что обсчитывала на пиве пьяных мужиков. Пиво – не тот предмет, без которого не обойтись, не нравится – не ходи! К слову сказать, даже эти подвыпившие мужики вели себя спокойно, если и матерились, например, то между собой. А стоило пройти мимо женщине или ребенку, тут же утихомиривали друг друга: «Тихо, мужики, тут ребенок!» В этом же ларьке продавался и лимонад, и

если мы подходили и пытались встать в очередь, мужики тут же расступались и пропускали детей вперед.

А какие там жили бабушки! Самые настоящие, классические бабушки – в платочках, в плюшевых жакетиках, с обязательной хозяйственной сумкой на локте. Никогда, ни разу не видела ни одной бабушки на скамеечке! Ходили только друг к другу изредка на «чай». Им, наверное, просто некогда было: в свои 70, а то и 80 лет споро бегали по магазинам, вели хозяйство семьи. А летом еще и ходили в лес по грибы и ягоды. Однажды, я уже взрослая была, сидела на остановке в ожидании автобуса, чтобы ехать на дачу. Рядом – две бабульки, тоже ждут автобус и переговариваются, за малиной, мол, собрались. Мимо остановки по обочине дороги идет еще одна.

«Мои» ей: – Семеновна, ты в лес?

Та: – Ну дак, малина же пошла!

Мои: – А пошто пешком-то?

Семеновна: – Дак ноги-то розвивать надо!

А я сижу и думаю: мне в мои... лет до дачи лень пару километров пройти, а бабулька целый день по лесу будет ходить, да еще и ноги «розвивает»!

Самое любимое горожанами место, пожалуй, Летний сад, небольшой старинный парк на высоком берегу реки Журавки. От него начинается улица Садовая. На Садовой жила моя бабушка. В моем детстве на Садовой не было асфальта, это была как бы даже и не городская, а какая-то поселковая улица: пыльная дорога, по которой редко-редко проезжали машины, огромный страшный колодец возле одного из домов (куда нам категорически запрещали даже подходить), одноэтажные домики, перед каждым – пали-

садники с сиренью, цветами. Вдоль них неторопливо течет тропинка. От дороги тропинку загораживают кусты и деревья, так что, когда идешь по ней, то как будто в зеленом веселом тоннеле. Как я любила кататься там на своем трехколесном велосипеде!

Такой же «тоннель», только пошире и повыше – березовая аллея на улице Ленина. Березки в моем детстве были еще маленькими, и тень от них была нежная, кружевная, радостная – от нее по лицу и рукам бегали веселые зелено-солнечные зайчики! Я считала березки своими подружками и обязательно каждый раз здоровалась. Как же я любила там ходить – и в школу, и к бабушке, а особенно – в детскую библиотеку «Искорку». Двойное удовольствие – в библиотеку, да еще и по любимой аллее! Сейчас эти березы стали огромными. Идешь по аллее, а они шумят где-то совсем в вышине, и тень от них густая, так что на аллее не жарко даже в знойный день.

И еще моими подружками были лиственницы на улице Пушкина. На Пушкина были ясли, где работала мама, а рядом стояло здание почты. Перед почтой росло несколько больших деревьев, которые очень меня интересовали: как так, ведь у них иголки, как у ели, а елка ведь на зиму их не сбрасывает! А у этих иголки осенью опадают, как листья! Спросила у папы, он объяснил, что это лиственницы и что у них такая вот особенность. А еще рассказал, какая у лиственниц ценная древесина, что она не портится в воде по сто лет и что поэтому из лиственницы строят корабли. С каким уважением, даже почтением я смотрела потом на лиственницы! Какие умные деревья – нарочно сбрасывают иголки, чтобы их не срубили на Новый год, как глупеньких елок! И какие трудолюбивые – сто лет могут работать на корабле! Я им даже часто потихоньку говорила: «Вы молодцы, что догадались иголки осыпать! Правильно! Лучше растите подольше!»

* * *

Речь пудожан сразу угадаешь – это не акцент, а какая-то своеобразная интонация. Моя институтская подруга тут же узнавала, если я побывала в гостях у моих одноклассниц, они тоже учились в Ленинграде и скучали по дому, я иногда у них бывала. Маринка смеялась: – Да ты опять по-пудожски говоришь!

А еще эти словечки!

В те давние времена, когда моя мама работала в яслях, пришедших детей сразу переодевали во все ясельное. Уходили домой – надевали свое. Правда, потом уже было не так – переодевали детей уже только по необходимости: намочил штанишки, облился супом... А еще в Пудоже был очень популярен магазин уцененных товаров, мы его называли «уце-

ненный магазин». Там можно было за копейки купить массу ценных и качественных вещей. Просто выходил срок реализации, их и уценивали – от игрушек и всяких мелочей до одежды и обуви. Главное – не пропустить новый завоз! (Однажды, кстати, когда я была уже студенткой, приглядела в магазине модельные лакированные туфли. Но они были очень дорогими, и мама не смогла мне их тогда купить. А через месяц их уценили ровно вдвое, и туфли были куплены!) Так вот, частенько в «уцененном магазине» весь город покупал одинаковые вещи: например, у нас в подготовительной группе добрая половина девочек щеголяла в одинаковых темно-оранжевых платьях. Платье было из чистой шерсти, а стоило ровно один рубль! Совсем незадолго до этого моей двоюродной сестре купили шерстяное платье за 16 рублей! А однажды продавали детские свитерки тоже за какую-то смешную цену. Ну, и в яслях многие мальчики в таких ходили. И одна мамочка, вечером одевая сына, не могла найти свой свитерок. Попросила воспитательницу найти, сказала, что вот такой, из «уцененного магазина». Та показывает: «Такой?» Мамочка очень смутилась: «Да, только не этот. Мой такой же, но весь в пятах». Ушла она, а вечером, после ухода всех детей, стали сотрудники свитерок искать. Нашли за шкафчиком и очень смеялись: свитерок не то чтобы «весь в пятах» оказался, а просто-таки полностью из одних пятен состоял!

Мама почти перед родами попала в больницу, на сохранение. И вдруг ей ужасно захотелось апельсин! Папа обегал все магазины, сходил даже к заведующему базой, но – нет нигде! Просто не привезли в город. В те времена апельсины были у нас очень редким лакомством. Кто-то наконец сказал, что вот тот-то человек был недавно в Петрозаводске, может, он привез своим. Так папа через общих знакомых сумел-таки выпросить у него одну штучку! Вся мамина палата смаковала эти дольки... А через какое-то время мой дядя, муж маминой сестры, тоже был в командировке в Петрозаводске и купил апельсины. Ехал домой, роддом по дороге. Решил порадовать Валю. Пришел с целой авоськой апельсинов, передает нянечке, а та:

– Ничего ей уже не нужно!

Дядя опешил:

– Как? Что случилось?

– Дак ничего. У ней уже рожено и уйдено!

* * *

Детство, это, конечно же, прежде всего семья – родители, бабушки-дедушки.

В бабушкиной речи было много интересных, «пу-

дожских» словечек. В детстве я воспринимала их как обычные, а теперь вспоминаю с душевной теплотой, как и все, что связано с бабушкой Дуняшкой.

Бажонный – бедненький, тот, кого можно пожалеть. «Бажонный, замерз весь!»

Басенький – симпатичный, красивый, приятной внешности.

Бедовый – шустрый, смелый, ничего не боится. «Вот парень бедовый!»

Балаболка (цветок) – купальница.

Барабанчик (цветок) – выюнок («граммофончик»).

Вица – прутик, применяется в качестве наказания: «А вот я тебя сейчас вицей угощу!»

Вчера – вчера.

Дак – так. Применяется чуть ли не в каждом предложении. «Я вчера в магазин пошла, дак сумку забыла».

Дивья – хорошо, везет. «Откель платок-то новыи? – Дак зять подарил. – Вот дивья тебе, хороший зять, не то что у меня».

Калитки – карельские открытые пирожки из ржаной муки, делаются с начинкой из картофельного пюре или пшенной каши.

Кукельки – высушенные цветоложа морошки с небольшим (примерно полсантиметра) кусочком стебелька. Их отвар – отличное средство против кашля, особенно у детей.

Малтат – понимать. «Не малтает ничего».

Пули – сопли. «Пули-то подбери!» Насмешливое: «Пули малтаешь» – ничего не понимаешь.

Но – да, согласие. «Ты в магазин? – Но!»

Нявгать – ныть, канючить, издавать жалобные звуки. «Что-то кошка всю ночь нявгала». «Ой, у Гали-

ны внука нявгучая така! Вчера была у нее на беседе, дак всю вечерину пронявгала!»

Откель – откуда.

Порато – сильно, очень, много. «Порато меня вчера ошунуло-то».

Шунет – кружится голова, качает.

Пахать – подметать пол. «Пол-то опахала?»

Плавать (про ребенка) – ползать. «Твой ребенок-то уже плавает?»

Плюсни – кожура на вареной картошке. «Картошка с плюснями» – то же, что и «картошка в мундирах».

Пошто – зачем.

Прикосло – случилось, стряслось. «Что там у тебя опять прикосло?»

Распатрениться – снять верхнюю одежду; расстегнуться; вообще одеться слишком легко, не по погоде. «Что распатренилась-то, ужарела, что ли?»

Рибуши – старая, пришедшая в совершенную непригодность одежда, рвань. «Да у нее денег порато, а ходит всё в рибушах!»

Кирбуши – скрученные трубочки из бересты, применяются в качестве поплавков при плетении рыбацких сетей.

Спружить – пролить. «Молоко спружила».

А еще она очень смешно говорила, когда двое детей сильно ссорились или дрались: «Вот два свидиника!» Что это за слово? Я больше никогда нигде такого не слышала. И еще в нашей семье, когда образовывалось много дел и надо было повсюду успеть, говорили: «Дел, как у пудожского старосты!»

Елена ТЕРШУКОВА

родилась и выросла в Карелии, в городе Пудожье.

Окончила Ленинградский государственный педагогический

институт им. А.И. Герцена.

По окончании института осталась жить в Ленинграде.

В настоящее время работает в детском саду учителем-логопедом.

Как номинант конкурсов награждена памятными медалями

«Сергей Есенин 125 лет» и «Федор Достоевский 200 лет».

В журнале «Север» публикуется впервые.

